

СТАТЬИ

К. В. ХВОСТОВА

**ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ (XIV—XV вв.):
РЕАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И ИХ ПОНИМАНИЕ ВИЗАНТИЙЦАМИ —
СОВРЕМЕННОКАМИ ЭПОХИ**

Целью данной статьи является рассмотрение как самих отношений земельной собственности в Византии (XIV—XV вв.), в частности тех изменений, которые произошли в них в названный период, так и отражение этих отношений с присущими им переменами в понимании византийцев. Это понимание проявилось в правовых нормах, правосознании и в наименованиях различных проявлений собственнических отношений.

Некоторые особенности византийского землевладения, в частности преобладание в империи полной безусловной собственности, неоднократно отмечались в литературе¹. Говорилось также об отличии Византии от средневекового Запада с его доминированием условной иерархической собственности, концепциями *domain direct*, а также *propriété pleine et utile*².

К поздневизантийскому периоду практика развития поземельных отношений имела в Византии большую традицию, которая нашла достаточно полное отражение в источниках, прежде всего, в актовом материале. Статус полной безусловной собственности восходил к римским правовым порядкам. Однако в византийскую эпоху она, равно как и складывающиеся отношения условной собственности, были переосмыслены в терминах богословия. Полная безусловная собственность (светская, церковная, монастырская) рассматривалась как институт вечный, порождение божественных и святых законов: «ἐκ τῶν θεῶν καὶ φιλευσεβῶν νόμων . . .»³ Понятие божественных законов в данном случае тождественно выражению «божественные императорские хрисовулы и простагмы»⁴. Идея божественного происхождения императорской власти приводила к обожествлению императорских постановлений, к идентификации их с божественными законами.

Данное понимание собственности составляло высший теоретический уровень соответствующих представлений, отражающий общие мировоззренческие идеи империи. Этот уровень понимания интересующих нас отношений характерен тем, что обнаруживает специфику византийских воззрений по сравнению с теми, которые доминировали в эпоху развитого средневековья на Западе.

¹ *Udal'cova Z., Chvostova K. Les structures sociales et économiques dans la bas-Byzance // JÖB. Wien, 1989. Bd. 31. T. 1. P. 133.*

² *Сказкин С. Д. Февдист Эрве и его учение о цензиве // Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973. С. 308.*

³ *Actes de Xénophon / Ed. D. Papachryssanthou. P., 1986. N 9. P. 109.33; N 10. P. 114—115; Actes de Chilandar / Ed. L. Petit, B. Korablev // ВВ. СПб., 1911. Т. 17. Приложение № 1. Première partie. Actes grecs. N 11. P. 30, 31, 32.*

⁴ *Actes de Lavra / Ed. A. Guillou, P. Lemerle, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. P., 1977. Vol. II, N 99. P. 143.5—6.*

Так, согласно Фоме Аквинскому, все вещи в соответствии с естественным правом признавались общими. Это воззрение является интерпретацией известных евангельских и апостольских идей нестяжательства и прославления бедности, постановлений первых церковных соборов, отражает деятельность первых христианских общин. Один из учителей древней церкви Амвросий писал: «... бог хотел, чтобы обладание этой землей и пользование плодами ее было общим для всех, но своекорыстие установило право собственности»⁵. Тем не менее Фома Аквинский положительно отвечает на вопрос относительно правомерности собственности в человеческом обществе. Причиной распространения собственности было грехопадение человека⁶. Иными словами, собственность трактовалась как порождение человеческого, а не божественного закона. Различение этих видов законов и естественного права было свойственно византийскому правосознанию в той же мере, как и западному, и восходило в Византии к восточной патристике⁷. Тем больший интерес представляют отмеченные особенности в трактовке земельной собственности в юридических документах Византии.

Наряду с этим в поздний период в империи, как и в предшествующие эпохи, равно как и на Западе, имели распространение идеи общей земельной собственности, содержащие интерпретацию богословских взглядов и церковных канонов. Фома Магистр связывает богатство и собственность в обществе с пользой благотворительности, которую, в свою очередь, обосновывает идеей общей собственности: «Все, что от бога, все, как братья, имеют сообща»⁸. Названная интерпретация идеи собственности нашла свое отражение в трактате Алексея Макремволита «Диалог бедных и богатых»⁹.

В соответствии с пониманием собственности как отношений вечных и божественных, земля, принадлежащая определенному физическому или юридическому лицу, рассматривалась как неотчуждаемое (*ἀναπαίρητος*) владение¹⁰. В риторическом сочинении Николая Кавасилы, содержащем, по мнению издателя И. Шевченко, критику политики конфискации монастырских земель, осуждается всякое нарушение прав собственности, провозглашаемых неприкосновенными¹¹. Посвягающие на чужую собственность сравниваются с ворами¹².

Значение, придаваемое в Византии полной и безусловной собственности, обнаруживает не только преемственность правосознания, имеющего своими истоками идеи римского права, но и влияние экономических воззрений Аристотеля, восхвалявшего собственность отдельных лиц.

Высший теоретический уровень представлений о собственности сочетался с правовыми нормами, характеризующими реальный правопорядок. Действующее право, нашедшее свое отражение в многочисленных поздневизантийских актах, определяло юридический статус землевладения, а также источники возникновения абсолютной безусловной крупной при-

⁵ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. СПб., 1907. С. 440; Матф. VI. 19, 20. Правила многих церковных соборов ограничивали собственнические и владельческие права служителей церкви. См.: *Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio* / Ed. Mansi J. D. Graz, 1960. Vol. IV. Col. 432; Vol. XV. Col. 598—600; Vol. XVI. Col. 536—541; *Janin G. Monachisme byzantin au Moyen Age: Commende et typica (X—XIV siècles)* // REB. 1964. T. 22. P. 7; *Beck H. G. Nomos, Kanon und Staatsraison in Byzanz* // Österreichische Akad. der Wissensch. Philosoph.-hist. Kl. Wien, 1981. Bd. 384. S. 8; *Кудрявцев О. Ф. Собственность как нравственно-правовая проблема в идеологии христианского средневековья (до Фомы Аквинского)* // Культура и общественная мысль. Античность, средние века, эпоха Возрождения. М., 1988. С. 79.

⁶ *Summa theologica*. II. 2. Quast. 66. Art. 2.

⁷ *Vanakes E. K. Law in Patristik Thought: Prolegomena* // The 17th Byzantine Congress: Abstracts of short Papers. Wash., 1986. P. 22—23.

⁸ *Δόγος περί τῆς πολιτείας* // PG. Vol. 145. Col. 501.4; *Поляковская М. А. Понимание социальных проблем византийскими авторами XIV в.* // ВВ. 1979. Т. 40. С. 12.

⁹ *Поляковская М. А. Указ. соч. С. 12.*

¹⁰ *Actes de Xénophon*. N 9. P. 109.30.

¹¹ *Ševčenko I. Nicolas Cabasilas «Anti-Zealot» Discourse: a reinterpretation* // DOP. 1957. Vol. 11. § 10.17—19. P. 95; *Поляковская М. А. Понимание социальных проблем византийскими авторами XIV в. С. 11.*

¹² *Поляковская М. А. Указ. соч. С. 11.*

вилегированной собственности, принадлежавшей архонтам, церкви, монастырям.

Крупная привилегированная собственность означала наличие у собственника земель, населенных держателями — париками. Мелкая подразумевала владение только землей. Соответственно, различались доходы крупного и мелкого собственника. Доходы первого воспринимались как платежи, поступающие от поземельно зависимых людей, и включающие налоги и частнопроводимую ренту. Представление о доходах с земли ассоциировалось по отношению к крупной собственности с идеей эксплуатации зависимого населения. Поэтому формула пожалования земли крупному собственнику дополняется формулой передачи поземельно зависимых крестьян, населяющих землю. Мелкий собственник получал доходы от непосредственного труда на земле.

Любой собственник имел право владеть и господствовать над вещью, находящейся у него в собственности (*νέμεσθαι καὶ δεσπόζειν*)¹³, продавать землю, обменивать, передавать по наследству, давать в приданое¹⁴, улучшать землю (*βελτιοῦν, καλλιεργεῖν*), извлекать всевозможный доход (*πάσαν καὶ παντοίαν ἀποφέρεισθαι πρόσοδον*)¹⁵. Право собственности означало владение, распоряжение и пользование землей: *ἐπὶ τῇ νομῇ. . . κατοχῇ καὶ χρήσει*¹⁶.

Право на улучшение земли подразумевало возможности производить ее орошение, использовать ее попеременно в качестве пашни или настибища, оставлять в целях восстановления плодородия необработанной. Последнее производилось как в соответствии с системами севооборота, так и независимо от правил, диктуемых этими системами. В целом собственник имел право поступать с объектом собственности по своему желанию: *πρὸς βουλήν*.

Актовый материал позволяет также определить источники формирования собственности и их понимание (обоснование) византийцами. Естественно, собственнические права возникали в результате купли, продажи, обмена, завещания, передачи в приданое. Кроме того, крупная привилегированная собственность создавалась благодаря императорским пожалованиям. В XIV—XV вв. огромные территории жаловались светским лицам и религиозным учреждениям: церквям, монастырям.

Обоснование таких пожалований представляет специальный интерес и отражает использование в экономической политике императоров многочисленных интерпретационных традиций ведущих богословских и политико-правовых идей: а именно бедности и богатства, общего блага, роли императорской власти и т. д. В этих целях обращались также к идее оправдания богатства благотворительными целями, выраженной еще в постановлениях Гангрского собора 340 г. О роли названной традиции в создании крупной земельной собственности свидетельствует один из образцов проимиев императорских хрисовулов¹⁷.

Согласно этому образцу, какой-либо дар со стороны императора преследует в конечном счете благотворительные цели и конкретнее помощь бедным. Получатель дара становится посредником между императором и бедными, поскольку имеет возможность осуществлять в отношении последних благодеяния. Одновременно и император совершает богоугодное действие. Передача им земельных владений монастырям обосновывалась также акцентированием этой интерпретационной традиции богословских текстов¹⁸. В проимиях выражена, таким образом, характерная для христианства идея посредничества отдельных лиц и главным образом церкви в осуществлении благотворительности. Спасение и помин души, естественно, было также побудительным мотивом подобных пожалований как

¹³ Actes de Xénophon. N 102. P. 158.14.

¹⁴ Ibid. N 9. P. 109.29—33; N 10. P. 114—115.24—26.

¹⁵ Ibid. N 28. P. 207.20—21.

¹⁶ Ibid. P. 207.27.

¹⁷ Hunger H. Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964. N 3. S. 220.

¹⁸ Ibid. N 6.3.224.

со стороны императоров, так и частных лиц. Обращение к названным интерпретационным традициям богословских идей находим, например, в хрисовуле Иоанна V Палеолога от 1342 г., содержащем подтверждение за монастырем Лавры св. Афанасия на Афоне земельных владений, переданных Нифонтом — духовным отцом императора. Нифонт построил или восстановил на собственные средства многие здания хозяйственного и религиозного назначения и распределил их между монастырями¹⁹. Наряду с идеей предоставления земельных владений в благотворительных целях и для поддержания общего блага для обоснования подобных пожалований использовались и другие не менее популярные интерпретационные традиции богословских идей: в частности, имела распространение мысль о важности вознаграждения за добродетельные поступки.

Яркий образец утонченного теоретического обоснования земельного дара, осуществляемого императором в пользу монастыря Лавры св. Афанасия, встречаем в хрисовуле Андроника III Палеолога от 1329 г.: «Те, которые игнорируют мир тварный и ничего не значащий, покинувшие жен, детей, дома и все блага и не заботящиеся ничуть об этом, и те другие, пожелавшие никогда не вступать в брак и в качестве отцов быть оплакиваемыми детьми, они, приблизившиеся к богу, не воспринимающие то, как изменяется текущее внизу; они, имеющие желание и спешащие поменять существующий порядок и образ жизни на такой, которому не присущи уничтожение и гибель; они достойны получить со стороны желающего их вознаградить не деньги, дома, поля, и не что-либо иное, присущее преходящему, но что-либо неизменное, не подверженное уничтожению и изменению. Но это не во власти земного и смертного. Но ведь бог, милостивый и благосклонный, который не испытывает ни разрушений, ни изменений, в состоянии использовать и те и другие средства по отношению к тем из людей, которых он пожелал облагодетельствовать, так как он demiург и вечного, и преходящего. И необходимо, чтобы намеревающийся воздать должное таким людям, совершил бы это в соответствии с тем, что он в состоянии сделать и чем он располагает. Речь идет не о том, чтобы заплатить им жалование или дать в долг, но о том, чтобы оказать им помощь на их пути, достойном восхищения, материальными благами. Ведь тот, во имя кого они, исполненные добродетелями, подвигли себя на великую битву, является непознаваемым и невыразимым. Неуловимы и невыразимы и его благодеяния в отношении этих людей. . .»²⁰

Известно, что наряду с представлениями о пользе благотворительности и вознаграждения для христианского мирозерцания характерны идеи восхваления бедности и порицания богатства и стяжательства, интерпретации которых широко использовались при решении земельных тяжб членами афонского протата²¹. Сочетание в общей системе воззрений казалось бы противоположных идей, а именно — восхваления бедности и наоборот — пожалования в благотворительных целях материальных благ, естественно, было бы наивным рассматривать как противоречие византийских экономических воззрений. Или же можно было бы сказать, что это такая антиномия, которая придавала всему мирозерцанию характер динамичной системы, делало ее жизнеспособной и социально значимой. Эта антиномия была тщательно разработанной и отражала иерархический характер средневековой ценностной ориентации. Евангельское понимание бедности, труда, общего блага, аскетизма, собственности и вообще мирского поведения (равно, как и иные, не связанные с пониманием экономики и общества) предполагали в духе традиций патристики и норм церковного права наличие множества степеней совершенства, отражающих меру приближения к богу в соответствии с идеей искупления. Допустим, бедность провозглашалась высшей добродетелью, однако в мирской жизни и в ин-

¹⁹ Actes de Lavra. III, N 123. P. 23.67—68.

²⁰ Actes de Lavra. 1977. II, N 6. P. 58.4—5.

²¹ Actes de Kastamonitou / Ed. N. Oikonomidès. P., 1978. N 4. P. 49—50.1—2; N 6. P. 58.4—5.

тересах общего блага допускались зажиточность и богатство, равно как и владение собственностью. Всеобщая нищета и бедствие рассматривались как божественное возмездие. Труд с точки зрения божественного закона оценивался как противоречащий стараниям о спасении души, но он допускался и считался необходимым в соответствии с естественным порядком вещей и человеческим законом.

Оригинальное отношение к бедности встречаем в одном из писем константинопольского патриарха Афанасия I, в котором говорится, что тот, кто от бога принял болезнь бедности, может быть спасен благодаря дару со стороны императора, являющегося благодетелем по божьей милости²². В другом письме патриарх утверждает, что бедность делает человека низким²³. Плюралистический и иерархический характер средневековых воззрений позволял византийцам в их конкретных представлениях о реальности акцентировать разные интерпретационные традиции мировоззренческих доктрин.

Возвращаясь к системе земельных пожалований, следует сказать, что они в Византии с ее разветвленным государственным аппаратом и сильной государственной властью играли несравненно большую роль, чем на Западе. О значении государственных земельных пожалований свидетельствует, например, простагма Андроника II Палеолога от 1319 г.²⁴, содержащая определенные постановления относительно владений монастыря Лавры св. Афанасия на Лемносе. Императорское распоряжение гласит, что никто, кроме императора, не вправе передавать землю и париков в собственность.

Как свидетельствует хрисовул Михаила VIII Палеолога от 1263 г., государство стремилось не только контролировать частнопровые формы возникновения собственности, но и по возможности их ограничить. Для того, чтобы пресечь частную инициативу монахов в приобретении ими владений и пропитания («καὶ τοῖς Λαυριώταις τὸ ἀποφάσιτον τῆς τινῶν ἰδιώσεως ἔν τε κτήρεσι καὶ τροφοῖσι ἢ καὶ ποσίμοις»)²⁵, говорится в хрисовуле, — император жалует монастырю в икономию (т. е. в управление, в данном случае в хозяйственную эксплуатацию) ряд поселений. Контроль государства над частной собственностью проявлялся в том, что в качестве доказательства и обоснования собственнических прав рассматривались старинные привилегии (παλαιγενεῖς δικαιοῦματα)²⁶ и императорские божественные простагмы: «... διὰ τε παλαιγενῶν διαφόρων δικαιοῦμάτων καὶ βασιλικῶν προσταγμάτων»²⁷.

Необходимость ограничения частнопровых источников роста земельной собственности объяснялась фискальными потребностями государства и податной ответственностью собственников. Земля жаловалась представителям знати, церковным и монастырским учреждениям вместе с ее держателями — поземельно-зависимыми крестьянами-париками, обязанными за арендованные ими земли платить и арендную плату, и налоги. Крупные собственники обычно получали податной иммунитет, в силу которого взимали причитающиеся с крестьян налоги в свою пользу²⁸. Государство регламентировало размеры таких налогов, предоставляя собственнику определенное количество πόσον, ποσότης — налоговых сумм, соответствующих некоторому размеру земли. Кроме того, в отличие от Запада в Византии первоначально не получила значительного распространения практика прекарных отношений, которые развивались на Западе очень часто под эгидой церкви и обосновались в значительной

²² The Correspondence of Athanasius I Patriarch of Constantinople / Ed. A.-M. Maffry Talbot. Wash., 1975. N 64. P. 150.10—13.

²³ Ibid. N 69. P. 164.21—22.

²⁴ Actes de Lavra. II, N 106. P. 176.17—28.

²⁵ Ibid. N 72. P. 14.36—40.

²⁶ Actes de Xénophon. N 3. P. 82.6.

²⁷ Ibid. N 4. P. 86.2—3; N 5. P. 92.2.

²⁸ Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии. М., 1968. С. 235—254.

мере идей принятия прекарисмом на себя добровольного служения церкви. Подобные отношения способствовали на Западе не только возникновению зависимого крестьянства, но и всей средневековой феодальной экономической системы, основанной на частной власти и развивающейся в условиях упадка государства и перехода многих государственных и управленческих функций в руки феодалов и корпораций. Соответственно, на Западе различались юридические статусы держаний. В Византии в условиях сохранения сильной государственной власти, отсутствия приоритета церкви над государством запрещался частный патронат над свободными лицами²⁹. Защита подданных составляла первейшую и неотъемлемую функцию государственной власти³⁰.

Государственные пожалования земель, населенных париками, в течение длительного времени являлись одним из основных условий легального создания крупной привилегированной собственности и обеспечения ее рабочей силой. Вторым источником было поселение на территории поместья безземельных и не платящих налоги людей. Наличие подобной практики всегда означало нарушение существовавших запретов частного патроната и отражало противоречивый характер императорской экономической политики, создающей по существу те факторы приватизации власти, которые отрицались на теоретическом уровне, четко различавшем функции управления и собственности. Однако в X—XII вв. возможность таких поселений регламентировались государством. А именно: собственнику разрешалось поселить на своей территории строго определенное число людей. Эта квота обозначалась техническим выражением «арифмос». В рассматриваемый период времени в практике пожалования земельных владений произошли некоторые изменения. Наблюдается постоянное сокращение площади земель, находящихся в распоряжении государства и населенных париками. Основным источником возникновения крупной частной собственности по-прежнему являются государственные пожалования. Однако очень часто в собственности передаются пустоши. В этом отношении интересна следующая формула передачи: «*καρχιδίδωμι πρὸς τὸ μέρος τῆς τοιαύτης μονῆς... ἴην ἀπὸ τῆς δημοσιακῆς, ἥτις ἐστὶ χερσαία*»³¹. Наряду с этим постоянным объектом императорского дара становятся покинутые земли, и собственник получает право поселять на них держателей в любом количестве³². Названные источники приобретения собственности воспринимались как атрибут юридического статуса крупной собственности.

В поздней Византии, в эпоху крайне тяжелой внешней и внутренней обстановки при обосновании пожалования земель в собственность наряду с интерпретационными традициями христианских и политико-правовых идей получает распространение непосредственная апелляция к здравому смыслу, проявляется житейский страх перед бедностью.

Иоанн Кантакузин, говоря о пожаловании монастырю в Мангане земель, без всяких идеологических обоснований заявляет, что это делается в целях создания достатка в средствах существования³³.

Кроме рассмотренных конкретно-правовых и теоретических аспектов понимания собственности, существовал пласт сознания, который назовем условно социологическим. Этот уровень представлений был тесно связан с характерными чертами византийской общественной и политико-правовой структуры в целом и отражал ее основное противоречие. Речь идет о резком разграничении и противопоставлении собственности и публично-правового управления. Роль государственной власти в Византии, с од-

²⁹ В Кодексе Юстиниана говорится: «Никто не имеет права предоставлять убежище деревенским жителям или принимать их за определенную плату или службу под покровительство. Виновные подлежат штрафу» (Cod. XI. 54; Lemerle P. *Agarian History of Byzantium from the Origin to XII Century*. Galwai, 1979. P. 11).

³⁰ *Καρχαριωνόπουλος* 'Ι. 'Η πολιτικὴ θεωρία τῶν Βυζαντινῶν. Θεσσαλονίκη. 1988. Σ. 27.

³¹ Actes de Lavra. II, N 96. P. 126.16.

³² Ibid. N 72. P. 15.66—68; III. N 106. P. 134.26—31.

³³ *Joannis Cantacuzeni Historiarum Libri IV* / Ed. Schopen L. Bonnae, 1832. Vol. III. P. 108.1—5.

ной стороны, и полной безусловной собственности — с другой, обусловили это противоречие. Именно в рамках названного противопоставления осуществлялся запрет частного патроната, введение арифмоса и некоторые другие мероприятия, в частности серия императорских постановлений X в., препятствующая динамам проникать в сельскую общину. Собственность, согласно этим воззрениям, ассоциировалась с частным управлением. Рассмотренные взгляды восходили к интерпретации Иоанном Дамаскином Аристотеля³⁴. Соответственно различались налоги и виды арендной платы. Существовало также понятие всего дохода с земли³⁵.

Противопоставление государственного и частного управления, а также соответствующих доходов осуществлялось на разных уровнях византийских экономических воззрений: в рамках политико-правовой доктрины, с ее четкими идеями частной собственности; в соответствии с фискалистскими представлениями о роли в обществе налогов и процедуры их взимания. И наконец, как проявление общего менталитета той эпохи, нашедшего выражение в памятниках историографии. Еще Зонара упрекал Алексея I Комнина в том, что он управлял не как император, а как господин³⁶. Никифор Григора писал о государственном управлении по законам ромеев и наследственном владении по обычаю латинян³⁷. Сходным образом оценивает ситуацию Георгий Сфрандзи. Мануил II обращается к сыну Иоанну со следующими словами: «Мой сын василевс подходит для василевса, но не нынешнего времени. Ибо видит и замышляет великое, но такое, чего требовали времена благоденствия наших предков, а не сегодняшней день, когда дела у нас обстоят так, что не василевс требуется нашему государству, а хозяин»³⁸. В названном выше произведении Николая Кавасилы говорится, что правителям подобает распоряжаться хозяйством общественным, а не принадлежащим частным лицам³⁹.

Если на Западе собственность и управление срачивались, то в Византии они различались, причем как на практике, так и в теории. В поздней Византии названное противопоставление несколько видоизменяется, поскольку широко распространяются факты приватизации власти, означающие сосредоточение в руках отдельных чиновников наряду с функциями управления также и частной инициативы. Проявлением развития этого процесса было возникновение апанажей, эволюция пронии, превращавшейся иногда в наследственное владение⁴⁰ с правами пожалования проний монастырю⁴¹ и сдачи в аренду⁴². Известны даже факты продажи проний монастырям. Правда, они были сочтены как незаконные, и императорское распоряжение от 1335 г. предписывает вернуть соответствующие земли в ранг казенных⁴³.

Парадокс византийской поземельной собственности состоит в том, что, несмотря на то, что юридически она рассматривалась как вечное и неизменное установление, на практике она не была гарантирована. Государ-

³⁴ *Ioannis Damasceni Peri gnōseōs* // PG. Vol. 94. Col. 533.

³⁵ Actes de Lavra. III, N 155. P. 134.24, 29—30; N 159. P. 147.32; P. 148.33—34; Actes de Dionysiou / Ed. N. Oikonomidēs. P., 1984. N 17. P. 106.12; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948. S. 35.

³⁶ *Tinnefeld F.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie: (Von Procop bis Nicetas Choniates). München, 1977. S. 144.

³⁷ *Nicephorus Gregoras.* Historia byzantina / Ed. L. Schopen, I. Bekker. Bonnae, 1829. Vol. 1. P. 233.18.

³⁸ *Георгий Сфрандзи.* Хроника / Предисл. пер. и примеч. Е. Д. Джагацпаян // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. № 5. XXIII. 7. С. 208.

³⁹ *Поляковская М. А.* Указ. соч. С. 11.

⁴⁰ *Georgii Pachymeris de Michaelē et Andronico Paleologio libri tredecem* / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1855. Vol. 1. P. 97.21; *Острогорски Р.* Пронија. Београд, 1951; *C. Lemerle P.* Agrarian History . . . P. 223; *Максимовић Љ.* Византијска провинцијска управа у доба Палеолога. С. 99: 100.

⁴¹ Actes de Xénophon. N 30; Actes de Dochariou / Ed. N. Oikonomidēs. P., 1984. N 13. P. 125.2—7; N 14. P. 127.6; N 22. P. 164.6; *Oikonomidēs N.* The Properties of the Deblitzenoi in 14 and 15th Centuries // Charanis Studies. New Brunswick, 1980.

⁴² Actes de Xénophon. N 6. P. 97.17.

⁴³ Actes de Xénophon. N 23. P. 177.8—9.

ство нередко прибегало к мерам ограничения и конфискации собственности, даже монастырской.

Подобные факты получили особое распространение в поздней Византии в эпоху обострения общей обстановки. Право государства проводить конфискации иногда рассматривалось как признак наличия в Византии государственной собственности на землю ⁴⁴. Одной из форм конфискации была отмена привилегий, точнее ликвидация податного иммунитета крупных собственников ⁴⁵, возвращение землям статуса казенных владений. Не исключено, что на практике эта процедура приводила обычно к потере и самого права собственности. В юридическом отношении государственная собственность в Византии отсутствовала. Обоснованием конфискаций являлось прерогатива государства на взимание налогов, определяемое правом попечения-пронией над подданными ⁴⁶ и идеей перемен всего сущего. В одном из документов афонского протата говорится: «То, что относится к происходящим при нас делам, установленным не в самый короткий промежуток времени, меняется и становится иным во всем. Иногда по-другому поворачивается то, что (находится) в распоряжении человеческого размышления и управления и многими способами меняется на протяжении времени. И, может быть, кто-нибудь увидит, как вся жизнь людей этому подвержена» ⁴⁷. Соответственно в качестве причин вмешательства со стороны государства в отношении собственности указываются неблагоприятные перемены в делах: «... ὅτι τῆς τῶν πραγμάτων ζάλης καὶ τροχίμας» ⁴⁸.

Известно христианское учение, отстаиваемое, в частности, на Западе Августином, о нескольких возрастах в развитии истории человечества во времени, которые знаменовались сменой царств: ассирийского, персидского, греко-римского. Такое чередование обосновывалось представлением о неделимости даруемых богом благ, поочередным пожалованием их как разным народам, так и разным лицам. Эта восходящая к иудаизму идея избранного народа в Византии не только нашла отражение в представлении об избранности и превосходстве ромеев, но имела и более конкретное воплощение. В одном из образцов проимиев императорских хрисовулов говорится о неделимости как божественного дара, так и императорских благодеяний в отношении подданных. И те и другие сполна даются одному лицу, но со временем также полностью и неделимо могут быть пожалованы другому ⁴⁹.

Мысль о течении линейного времени, приводящая к перераспределению божественных и императорских благ, видимо, использовалась в реальной практике земельных пожалований. А именно идея неделимости благ, но поочередного пожалования их разным лицам, в какой-то мере служила теоретическим обоснованием политики превращения привилегированных владений частных собственников в казенные, обязанные уплатой налогом земли.

Конфискация собственности монастырей была широко осуществлена после поражения Византии при Марице. Император передал налоги с монастырских земель, а возможно, и сами земли прониарам ⁵⁰.

⁴⁴ Критика этих воззрений содержится в работе: *Литавин Г. Г.* Проблемы государственной собственности в Византии X—XI вв. // ВВ. 1975. Т. 35.

⁴⁵ *Svoronos N.* Le domaine de Lavra sous le Paleologue // Actes de Lavra. Vol. IV. P., 1982. P. 52, 53.

⁴⁶ *Nov. Just.* 17. C. 7 (121.33).

⁴⁷ Actes de Xénophon. N 18. P. 153.1—7.

⁴⁸ Actes de Lavra. III, N 155. P. 134.

⁴⁹ *Hunger H.* Prooimion. N 5. S. 223.

⁵⁰ По мнению Н. Звороноса, сами земли не становились объектом конфискации, происходило лишь аннулирование податных привилегий. См.: *Svoronos N.* Le domaine de Lavra sous les Paleologue // Actes de Lavra. Vol. IV. P. 52, 53. Однако большинство исследователей рассматривало акцию как изъятие самих монастырских земель и передачу их прониарам. См.: *Острогорски Г.* Пронија. С. 109—110; *Мошин В.* Акти из светогорских архива // Споменик САН. Београд, 1939. Т. 91. С. 165—167. Такого же мнения придерживались И. Шевченко, Дж. Т. Денни, Дж. У. Баркер, К. П. Мачке и И. Джурич. См.: *Sevčenko J.* Nicolas Cabasilas Anti-Zealot. P. 159; *Idem.* A Postscript on Nicholas Cabasilas Anti-Zealot

Нехватка денег и войска — основные характерные черты поздневизантийской эпохи⁵¹. Позднее монастыри получили свои земли обратно, и на них было восстановлено их право собственности. Впрочем некоторые земли отошли к фиску, а монастырь получил взамен другие⁵². Не только эти факты показывают, сколь неустойчивыми были собственнические отношения в поздней Византии, но и данные о продаже земли, осуществляемой как крестьянами, так и крупными собственниками⁵³. Константинопольский патриарх Афанасий I, кроме того, с негодованием писал о том, что некоторые епископы сдавали в аренду церковное имущество⁵⁴. Землевладение перестает быть фактором стабильности в обществе.

Для поздневизантийской эпохи характерны и другие формы эволюции землевладения, происходившей в рамках неизменного юридического статуса собственности. Крупная монастырская собственность, являясь юридически неотчуждаемой, вечной, полной и абсолютной, на практике не только подлежала иногда конфискации, но и приобретала в ряде случаев черты условного землевладения. Действительно, иногда земли жаловались монастырям при условии, что монастырь возьмет на себя обязанности по охране территории, возведет крепость и создаст поселения людей, способных нести оборону⁵⁵. Одновременно с этим, как уже отмечалось, прония, являясь в предшествующую эпоху пожалованием налога, приобретала черты условной собственности.

В документах, оформляющих пожалование в пронию, появляются формулы, характеризующие передачу владений в собственность, а именно, выражения, означающие права улучшать землю и извлекать доходы⁵⁶. Напротив, в актах, касающихся передачи, подтверждения или урегулирования собственнических прав на определенную территорию, встречаются данные о передаче налоговой квоты: посона или посотиса⁵⁷.

Фактическая эволюция собственности, кроме того, отразилась в изменении представлений византийцев о положении париков. Большинство современных исследователей рассматривает их как арендаторов, статус которых восходит к статусу свободных колонов. Подобное мнение, безусловно, справедливо, тем не менее целесообразно заметить, что в Поздней Византии под наименованием «свободные» (элеверты) подразумеваются отнюдь не парики, а безземельные и не платящие налоги люди, ищущие возможности поселиться во владениях крупных собственников. Из этого слоя и рекрутировались парики. Что же касается более ранней эпохи, то в 162-й новелле Юстиниана арендаторы, т. е. колоны подразделяются на «свободных» и «энапографов». Представления византийцев о личной свободе арендаторов, таким образом, на протяжении времени трансформировались. Хотя парики являлись свободными, как и свободные колоны эпохи Юстиниана, но в документах они не названы таковыми.

Парики, являясь юридически свободными, одновременно были людьми приниженного статуса, отличными от привилегированного населения,

Discourse // DOP. 1962. N 16; *Dennis G. T.* The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382—1387. Roma, 1960. P. 90—91; *Barker J. W.* Manuel II Palaeologus, 1391—1425: A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick, 1969. P. 17. Not. 41. P. 297. Not. 7; *Matschke K. P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar, 1981. S. 169; *Ђурић И.* Сумрак Византије. Београд, 1984. С. 189. Примеч. 33. Нам представляется, что противоречие между двумя названными точками зрения не столь велико, как кажется на первый взгляд. В условиях Византии потеря собственником иммунитета, передача налогов с соответствующего владения другому лицу легко могла привести и к утрате реальных владельческих прав.

⁵¹ *Cantac.* P. 36.18—20; P. 40.

⁵² *Actes de Lavra.* III, N 128. P. 37.29; N 161. P. 156—157.122.

⁵³ *Actes de Dochiariou.* N 43.

⁵⁴ *The Correspondence of Athanasius I.* N 25. P. 56.14.

⁵⁵ *Actes de Lavra.* III, N 126. P. 31.3—4; N 127. P. 34; *Actes de Dionysiou.* N 13; N 17; N 18.

⁵⁶ *Magdalino P.* Un unpublished Pronoia Grant of the second Half of the fourteenth Century // ЗРВИ. 1978. Т. XVIII. P. 157.9.

⁵⁷ *Actes de Lavra.* III, N 122. P. 176.

и поэтому иногда именовались протами⁵⁸. Кроме того, известно, что в представлениях византийцев о свободе, так же как и о справедливости и равенстве, играли большую роль понятия меры и градаций. Об этом, в частности, свидетельствует хрисовул Андроника II Палеолога от 1317 г., адресованный афонскому протату, в котором говорится о разных степенях свободы, проявляющихся в избрании афонского прота⁵⁹.

Для обозначения собственности наряду с *δεσποτεία*, *κρίσις* характерно использование слова «ипостась», которое приобрело в поздней Византии устойчивый технический смысл. В классическом греческом языке «ипостась» означала основание, «стойкость», «сущность» и редко встречалась в значении «имущество». Одно из значений данного выражения, как известно, в рамках христианства было возвышено до уровня ведущей богословской категории. Начиная с X в. появляется новая назывная функция наименования «ипостась», оно превращается в термин, обозначающий собственность. Подобные пути возникновения технических обозначений социально-экономических отношений в Византии в результате расширения семантического диапазона выражений, являющихся в одном из своих основных значений богословской категорией или ведущим понятием политико-правовой доктрины, — характерная черта византийской действительности. Таким же образом возникло техническое выражение «прония», обозначающее пожалование императором стратиоту или чиновнику за службу являло, а затем форму условной собственности. Первоначально же прония являлась ведущей богословско-философской категорией, имеющей смысл божественного провидения, а также важным понятием политико-правовой доктрины Византии со значением императорского попечения в отношении подданных.

Один из видов зависимых держателей-париков назывался в поздней Византии «энипостатами». Безземельные парики назывались «анипостатами»⁶⁰. «Энипостатос» в богословии обозначает «ипостась», относящуюся к определенным явлениям⁶¹. Анипостатос — это мнимое явление.

Развитие в условиях Византии, и особенно позднего периода, названного способом формирования технических понятий отразило стремление современников придать соответствующим видам общественных отношений, которые они именовали с помощью выражений, заимствованных из богословского языка и языка политико-правовой доктрины, гарантированный характер. Это позволяет раскрыть новые малоизученные аспекты роли богословия в жизни византийского общества.

Византийцы с их развитой риторикой и той ролью, которая придавалась образованности, прекрасно понимали роль слова в передаче мысли и в действительности его на мировоззрение. В преамбуле одного из хрисовулов Михаила III Палеолога монастырю Лавры от 1263 г. говорится: «...существуют две силы, являющиеся побудительными факторами происходящего, слова и дела. Слова же бывают двух видов: такие, которые ведут к делам, и такие, которые являются их следствием. Те, которые обнаруживают движение разума, и те, которые приводят к активности в создании письменных трудов»⁶².

Мы отмечаем различные пласты экономических воззрений византийцев, единство и взаимосвязь которых определялись тем, что они восходили к основным мировоззренческим идеям и представлениям. Одной из форм проявления этого единства и явились особенности возникновения терминов в результате расширения поля лексико-семантических вариантов ряда выражений, являющихся фундаментальными богословскими и политико-правовыми понятиями. Коммуникативная функция языка была

⁵⁸ Lemerle P. *Agrarian History*. . . P. 95.

⁵⁹ Actes de Protaton / Ed. D. Papachrissanthou. P., 1975. N 11. P. 247.75.

⁶⁰ Actes de Lavra. II, N 78. P. 20.67; N 99. P. 144.40—41; P. 151.218—219; N 109. P. 267.791—792; P. 273.901; N 139. P. 80.98.

⁶¹ *Joannis Damasceni* Περὶ γνῶσεως // PG. T. 94. Col. 589; *Idem*. Contra Jacobitas // PG. T. 94. 1441A.

⁶² Actes de Lavra. II, N 72. P. 14.1—3.

важнейшей в системе богословского влияния на современников. [Ведь при любом увеличении числа значений вариантов слова его богословский смысл не только получал дополнительное толкование, но и обретал новое средство пропаганды богословской идеи.

Разумеется, мы затронули здесь только один из аспектов проблемы возникновения терминов в Византии, которая в целом заслуживает специального внимания. В частности, в этой связи нельзя не отметить, что наименования некоторых видов конкретных отношений, например ряда налогов, возникали как результат непосредственных наблюдений над действительностью. Знаменательны наименования «пастбищное», «ситокритон», «икомодий» и другие. Примечательная черта этих форм общественных отношений состоит в том, что они носили сугубо экономический, инфраструктурный или базисный характер. Реальная повседневная жизнь не только оказалась запечатленной в данных наименованиях, но эти последние свидетельствуют о том, что и сами современники воспринимали соответствующие явления как проявления повседневности и обыденности, такой, которая, по их мнению, не требовала освящения с помощью высоких и громких наименований, восходящих к самым высшим теоретическим и мировоззренческим пластам сознания.

Оценивая в целом отношения собственности и понимание ее современниками в поздней Византии, следует подчеркнуть, что несмотря на определенную динамику, означавшую вызревание форм условной собственности, сближение Византии с Западом, в целом до конца существования империи доминировали византийский специфический тип отношений собственности и его восприятие византийцами с его характерными чертами, отражающими влияние римского права, восточного христианства, а также фискальных порядков и роль государственной власти в системе общественных и правовых отношений.